

АНДРЕЙ КУРЕЙЧИК

ПАНЕ КОХАНКУ

АКТ 1

1.

Из тишины, как будто издали, из самой тьмы сценического пространства начинает звучать трогательный, обнажённый, бросающий в дрожь девичий голос... ОН напевает старую, белорусскую, девичью песню... Сначала тихо-тихо, потом громче.

Из темноты появляется девушка невероятной красоты в светлом простом платье. ОНА поёт... Кажется, то ли это призрак, то ли реальный человек... Её песня завораживает, гипнотизирует, заставляет перенестись в те далёкие, легендарные времена...

Появляется пожилой КАМЕРДИНЕР. ОН застывает, глядя на странную ДЕВУШКУ. Кажется, что её голос и песня глубоко трогают его...

Из темноты выходит, одетая вся в чёрное – АГНЕССА, острая, строгая, невозмутимая. ОНА подходит к КАМЕРДИНЕРУ, который не отрывает взгляд от поющей девушки, и вдруг звучно лепит ему пощёчину.

В этот момент всё меняется: пространство озаряется светом, девушка исчезает, и мы понимаем, что это огромный зал дворца Радзивилов в Несвиже.

КАМЕРДИНЕР, схватившись за щеку, смотрит на АГНЕССУ.

АГНЕССА. Доброе утро.

КАМЕРДИНЕР. Действительно, отличное утро, княгиня.

АГНЕССА. Погода замечательная.

КАМЕРДИНЕР. Аж дух захватывает. День обещает быть просто чудесным.

АГНЕССА. И воздух...

КАМЕРДИНЕР. Ну, чистый эфир... Дышится, как в последний раз.

АГНЕССА смеряет его взглядом, на её лице появляется ядовитая улыбочка...

АГНЕССА. Что вы сейчас видели?

КАМЕРДИНЕР. Представьте, княгиня, ничего.

АГНЕССА. Это правильно. Вы хороший камердинер, Пётр. А первое качество хорошего камердинера – не видеть то, чего не существует в природе.

АГНЕССА оборачивается в сторону того места, где стояла девушка. Обходит это место... Ясно, что ОНА прекрасно её видела, и прекрасно знает, кто эта девушка такая...

КАМЕРДИНЕР бессознательно начинает тихонько напевать песню девушки. АГНЕССА топает ногой. КАМЕРДИНЕР вздрагивает и замолкает.

АГНЕССА. Что сегодня за день?

КАМЕРДИНЕР. Четверг.

АГНЕССА деловито садится за стол, одевает очки.

АГНЕССА. Какой четверг?

КАМЕРДИНЕР. Четверг 13 мая 1784 года, княгиня.

АГНЕССА достаёт толстую, старую домовую книгу и деловито открывает её... Из книги взметается облачко пыли.

АГНЕССА. Так, посмотрим, что у нас сегодня... (КАМЕРДИНЕР громко вздыхает. АГНЕССА бросает на него уничтожающий взгляд). Наш господарь, мой брат, Кароль, не должен отвлекаться на мелочи. Он рождён для великих дел, помните это, Пётр. Он глыба, гений, величайший из рода Радзивилов... Но это поймут только потомки... И наша святая обязанность, создать все условия для его мудрых, героических свершений.

КАМЕРДИНЕР с готовностью кивает. АГНЕССА отдаёт ему книгу.

АГНЕССА. Читайте. (КАМЕРДИНЕР мнётся). Ну что же вы, читайте, читайте...

КАМЕРДИНЕР. Итак, пожелание первое : «Я, Кароль Станислов Радзивил, повелеваю, чтоб все жидаы города Несвижа залезли на деревья и каркали, махали руками и изображали птиц, потому как я из ружья по ним палить намерен».

АГНЕССА и КАМЕРДИНЕР переглядываются... Пауза.

АГНЕССА. (Озадаченно). Та-а-ак... И что будем делать?

Вдруг – резкая музыка! В зал вбегают трое деревенского вида рыжих СЛУГ. У них одинаковые, пышные, рыжие причёски, да и в чертах лица и поведении их есть что-то похожее... Так что кажется, что по крайней мере отец у них был один. ОНИ толкаются, неуклюже кланяются, пихаются...

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Барыня!

КАМЕРГЕР. Какая тут тебе «барыня»! Деревенщина! Положено говорить ваша светлость!

ВТОРОЙ СЛУГА. Там это! Как его... (Толкает локтем ТРЕТЬЕГО). Гришка, скажи ей! А то мне чей-то боязно...

ТРЕТИЙ СЛУГА. А мне чё, не боязно?! Вон она как зыркает! Глаза вылупила...

КАМЕРГЕР показывает им кулаки, мол «чего несёте»... АГНЕССА только обречённо качает головой и возводит глаза к небу...

АГНЕССА. Так, всё! Прекратили балаган! Кто из вас самый умный? (СЛУГИ непонимающе переглядываются). Не важно! Ты! (ОНА тычит пальцем во ВТОРОГО СЛУГУ). Что стряслось?

ВТОРОЙ СЛУГА. Я же говорю, посланник!

АГНЕССА. Чей?

ВТОРОС СЛУГА. Так это... (ОН показывает пальцем вверх).

АГНЕССА. Как? Уже? Прибыл сюда? (Все трое слуг кивают). Князь знает?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Пане Коханку не изволили вставить...

КАМЕРГЕР. Какой тут тебе «Пане Коханку»?! Дубина! Правильно говорить, его сиятельство, князь Кароль Радзивил! Ну честное слово, учу их учу... И в кого вы такие пошли?!

СЛУГИ тут же с улыбкой переглядываются, мнутя, ясно что КАРОЛЬ и есть их отец...

ПЕРВЫЙ СЛУГА. (Горделиво улыбаясь) Так это...

АГНЕССА. (Жестко его прерывая). Оставим эту тему! Всех сюда! Началось!

Начинается дикая суета. Слуги и служанки носятся со всех ног, изображая подготовку к какому-то очень важному событию... Со сцены исчезает всё, что относится к залу в замке Радзивилов...

2.

Указатель на НЕСВИЖ.

На дороге остановился небольшой кортеж. ОН выглядит не очень богато... На заднем плане двое охранников в латах и с пиками... Карета сломалась и покосилась... Но зато на двери виден королевский герб...

На переднем плане двое мужчин одетых аристократично, но при этом тоже не очень богато. Это последний король Речи Посполитой – СТАНИСЛАВ АВГУСТ ПОНЯТОВСКИЙ и его первый министр ГУСТАВ. ПОНЯТОВСКОМУ явно холодно, ОН недовольно косится на своего министра...

ПОНЯТОВСКИЙ. Это чистая авантюра.

ГУСТАВ. Вы же понимаете, другого выхода у нас нет.

ПОНЯТОВСКИЙ готов взорваться от злости, но сдерживается.

ПОНЯТОВСКИЙ. (Со вздохом). Выхода... нет. Долго мы здесь будем торчать?!

ГУСТАВ. Боюсь, ваша карета сломана, ваше величество. Я послал слуг в Несвиж...

ПОНЯТОВСКИЙ. (Обрывает его). Что за май! Весь дрожу... Это не цивилизация, не Европа, это Сибирь какая-то... О, у них ещё и снег лежит!

ОН указывает на сугроб...

ГУСТАВ. Это не снег, ваше величество.

ПОНЯТОВСКИЙ. Не снег? А что?

ГУСТАВ. Соль.

ПОНЯТОВСКИЙ. Соль? (ПОНЯТОВСКИЙ берёт соль на палец и пробует). Действительно, соль. Почему у Радзивилов на дороге сугробы соли?

ГУСТАВ. Ваше величество, я вам докладывал. Кароль Радзивил, как бы это сказать, большой оригинал. Мне сообщили, недавно он пожелал порезвиться на санях...

ПОНЯТОВСКИЙ. В мае?

ГУСТАВ. Снега, естественно, уже не было. Вот он и приказал всю дорогу засыпать солью... Ну... Чтобы сани ездили... Сани...

ПОНЯТОВСКИЙ. Господи, почему такие богатства достаются сумасшедшим? Будь моя воля... Я бы...

ГУСТАВ. Вам придётся быть очень дипломатичным, ваше величество. Если мы хотим получить этот кредит. А нам очень нужны деньги... Казна пуста. А ваши долги...

ПОНЯТОВСКИЙ взрывается и хватает ГУСТАВА за грудки.

ПОНЯТОВСКИЙ. Не надо мне рассказывать про мои долги! Что я за король, если вынужден ездить и побираться у своих же поданных?! Я должен рубить головы! Вести войны! Строить дворцы! Вот, чем занимается король, а не думать, как свести концы с концами. (ОН вздыхает в бессильном бешенстве). До чего дожили, король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский едет просить денег у сумасшедшего, который насыпает дороги солью, чтобы в мае ездить на санях!

Вдруг до них доносятся звуки весёлой музыки, крики...

ГУСТАВ. За нами... Встречать нас едут.

ПОНЯТОВСКИЙ пытается взять себя в руки.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ладно. Пойдём... Раз мне суждено через это пройти, я пройду с королевским достоинством.

ОН поправляет свою одежду и решительно уходит со сцены... ГУСТАВ и ОХРАННИКИ идут вслед за ним...

Звучит торжественная, церемониальная музыка.

АГНЕССА, всё в том же траурном наряде, готова встречать короля ПОНЯТОВСКОГО...

КАМЕРДИНЕР. (Объявляет). Король Речи Посполитой, Великий князь Великого княжества Литовского, Русского и Жамойцкого и прочая, его величество Станислав Август Понятовский!

Входит ПОНЯТОВСКИЙ, чуть поодаль за ним – ГУСТАВ. КАМЕРДИНЕР кланяется, АГНЕССА делает реверанс...

АГНЕССА. Ваше величество...

ПОНЯТОВСКИЙ. Не надо лишней помпезности! Не люблю я этого... Я, как говорится, так, в гости, на огонёк...

АГНЕССА. А ваш двор?

ГУСТАВ. Двор в пути... Гости придут позже...

АГНЕССА. И правду говорят, вы, как и древнеримский император Август, поражаете своих поданных простотой обращения и скромностью...

ПОНЯТОВСКИЙ бросает взгляд на свою одежду....

ПОНЯТОВСКИЙ. Да уж... Зато ваш брат, как его все тут прозвали? Пане Коханку... Смешно, смешно... Вот уж кто себе ни в чём не отказывает. И медведей в карету впрягает... И дорогу солью засыпает...

КАМЕРДИНЕР. Ну это ещё что...

АГНЕССА тут же метает в него строгий взгляд, КАМЕРДИНЕР тут же замолкает и опускает глаза...

ПОНЯТОВСКИЙ. А кстати, где он сам? Как говорится, гости в дом, а хозяина нет?

АГНЕССА мнётся, переглядывается с КАМЕРДИНЕРОМ.

АГНЕССА. Тут такая ситуация... Дело в том, что Пане Коханку, то есть Кароль, не совсем готов...

ПОНЯТОВСКИЙ начинает хмуриться...

АГНЕССА. Он, как бы это сказать, приболел...

КАМЕРДИНЕР. После вчерашнего...

АГНЕССА снова метает в него злющий взгляд...

ПОНЯТОВСКИЙ. Ну здоровье дело такое... Непростое...

АГНЕССА. А знаете, что, Ваше Величество, может, вы с дороги проголодались? Озябли? (*ПОНЯТОВСКИЙ* действительно выглядит голодным и продрогшим. *ОН* пожимает плечами). Ну, чего же стесняться! (*ОНА* оборачивается и зычно кричит). Гришка! Сашка! И как там, этого... третьего! Эй!

Тут же появляются трое рыжих СЛУГ, ставят стол, накрывают его едой. Всё происходит буквально за несколько секунд. АГНЕССА указывает ПОНЯТОВСКОМУ на стул.

ПОНЯТОВСКИЙ. А вы?

АГНЕССА. Не беспокойтесь, ваше величество, мы уже откушали. Это свежая индюшати́на, отбивные, трюфели, венгерское...

Видно, что у ПОНЯТОВСКОГО слюнки текут... ОН не выдерживает, накальвает на вилку кусочек и отправляет его в рот. Оборачивается к АГНЕССЕ, кивает... И вдруг срывается и начинает торопливо есть, запихивая мясо, фрукты, овощи, запивая вином... Ясно, что ОН голоден как волк.

И вдруг в этой паузе, на заднем плане появляется сам КАРОЛЬ СТАНИСЛАВ РАДЗИВИЛ – тот самый ПАНЕ КОХАНКУ. ОН уже далеко не молод. ОН выходит, зевая... Волосы растрёпаны. Ясно, что у него страшный бодун... На нём, на голое тело одет тулуп. Этот тулуп никак не застёгнут, так что есть опасность, что ОН в любой момент может распахнуться...

ПАНЕ КОХАНКУ неторопливо идёт к королю, который, не заметив его, продолжает жадно есть... ПАНЕ КОХАНКУ подходит, ПОНЯТОВСКИЙ поднимает глаза, но сказать ничего не может, потому что у него забит рот...

ПАНЕ КОХАНКУ. Ничего, ничего... Ты ешь, ешь... Пане Коханку, Пане Коханку...

ОН оборачивается и подходит к АГНЕССЕ.

ПАНЕ КОХАНКУ. Агнесса, ты Олесю не видела?

АГНЕССА. Нет никакой Олеси. Это всё твои выдумки, Кароль.

ПАНЕ КОХАНКУ оборачивается к КАМЕРДИНЕРУ.

ПАНЕ КОХАНКУ. Петя, а ты не видел?

КАМЕРДИНЕР испуганно смотрит на АГНЕССУ, которая отрицательно качает головой...

КАМЕРДИНЕР. Ваше сиятельство... Так это... Разве за всем уследишь... А в такую погоду вообще мерещится всякое...

ПАНЕ КОХАНКУ, не дослушав его, оборачивается к ПОНЯТОВСКОМУ.

ПАНЕ КОХАНКУ. Ну чего, вкусно? (ПОНЯТОВСКИЙ кивает. ПАНЕ КОХАНКУ берёт у него со стола и отправляет в рот). Да, ничего... Записную книгу и перо!

КАМЕРДИНЕР бросается выполнять распоряжение и несёт хозяину толстую записную книгу и перо.

ПОНЯТОВСКИЙ. Князь Кароль...

ПАНЕ КОХАНКУ. Не, не... Не отвлекайся... Вот, попробуй зайчатину... (ОН открывает свою книжку и начинает читать). Так, кто сегодня летает?

ОН оборачивается и ждёт. На верхнюю галерею выходит ПЕРВЫЙ СЛУГА. У него на спине приделаны большие крылья.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Пане Коханку, может, не надо?

ПАНЕ КОХАНКУ. Эксперимент номер триста двадцать пять. Крылья стреловидной формы. Размер два аршина. (СЛУГЕ). Давай!

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Пан, может...

ПАНЕ КОХАНКУ. Прыгай, поганец! А то на кол посажу!

ПОНЯТОВСКИЙ в изумлении смотрит на АГНЕССУ.

АГНЕССА. (Шепчет королю). Это он так... Шутит. У нас вообще-то не принято...

ГУСТАВ. (КАМЕРДИНЕРУ) А чего он вообще хочет?

КАМЕРДИНЕР. Понятно чего. Человека летать научить.

ПАНЕ КОХАНКУ. Прыгай, засранец! Летать будешь!

ПЕРВЫЙ СЛУГА крестится. Барабанная дробь. ПЕРВЫЙ СЛУГА разбегается и прыгает, пытаясь махать крыльями. Слышен дикий крик. ОН падает как камень. Звук удара... Несколько секунд тишины, и после этого раздаётся тихий стон...

ПАНЕ КОХАНКУ вздыхает, и что-то вычёркивает в блокноте.

ПАНЕ КОХАНКУ. Не удалось. Жаль.

ПОНЯТОВСКИЙ. Князь, позвольте, наконец, выразить удовольствие, от пребывания в вашем замечательном замке...

Но ПАНЕ КОХАНКУ, совершенно не обращая на него внимания, резко оборачивается и выходит... Слышится удар хлопнувшей дверью. Видно, что ПОНЯТОВСКИЙ позеленел от обиды... ОН в бешенстве переглядывается с ГУСТАВОМ, тот только разводит руками...

АГНЕССА. Не обращайтесь внимание. Кароль близко к сердцу принимает свои эксперименты. Он очень расстроен...

ПОНЯТОВСКИЙ. То есть вы действительно верите, что он может научить своих крестьян летать?

АГНЕССА. Конечно, верю. Все знают, что Кароль – гений. Вы так не считаете?

Вдруг до них, как будто издали доносится тот самый ангельский голос, который мы слышали в самом начале... Словно эхо той чудесной песни, которую пела странная девушка...

ПОНЯТОВСКИЙ оборачивается.

ПОНЯТОВСКИЙ. Вы слышали? Что это?

АГНЕССА. Что?

ПОНЯТОВСКИЙ. Кто-то поёт. Девушка?

АГНЕССА. Да? Я ничего не слышала. (КАМЕРДИНЕРУ). Ты слышал?

КАМЕРДИНЕР тут же торопливо начинает отрицательно качать головой.

ГУСТАВ. Может быть, это кто-то из челяди?

АГНЕССА. Ну конечно, это придворные музыканты расппеваются...

Вдруг за их спиной дверь распахивается и снова появляется ПАНЕ КОХАНКУ. ОН за эти несколько минут ОН преобразился: вместо дрянного тулупа на голое тело, потрясающей красоты вышитый сюртук, сверкающий драгоценными камнями. Вместо растрёпанных волос, модный парик. На лице довольная, уверенная улыбка. На пальцах – кольца. Вот ОН – глава самого богатого и могущественного рода в Восточной Европе. ПОНЯТОВСКИЙ в шоке от такого преображения...

ПАНЕ КОХАНКУ. Вы что, ваше величество, не в курсе? Да, мы готовились к вашему приезду! Музыканты, певцы, танцоры. Все тут. Мы подготовили настоящее... не знаю даже как сказать. Моя мать, Уршуля, как вы знаете, была большая охотница до театральных зрелищ. И не только мать. Вообще у нас весёлая семейка.

ПОНЯТОВСКИЙ. Мы наслышаны...

ПАНЕ КОХАНКУ. Несвиж – это не Варшава. Это у вас там театры, музеи, казни. Мы развлекаем себя сами. Как умеем.

ПОНЯТОВСКИЙ. И об этом мы наслышаны.

ПАНЕ КОХАНКУ. А чего это у вас сапожки в соли? Это что, мода какая-то в Варшаве? (ПОНЯТОВСКИЙ прямо опешил от такой наглости). Ну да ладно. (Вдруг кричит). Матей! Матей, твою душу мать!

В залу, запыхавшись, вбегают трогательный, дураковатый, взъерошенный толстячок – МАТЕЙ РАДЗИВИЛ.

МАТЕЙ. Звали, дядя?

ПАНЕ КОХАНКУ. Мой племяш. Хм... По-моему. Матей Радзивил. Скажу честно, семейка у нас такая запутанная... Кто... Кому... Кем... Сам чёрт не разберёт! Пане Коханку... Матей, чего стоишь, как ёлупень? Это же король.

МАТЕЙ аж подпрыгивает от радости. ОН суетливо хватается за руку ПОНЯТОВСКОГО и начинает трясти, заискивая улыбаясь.

МАТЕЙ. Ваше величество, я так рад! Я так рад! Это для меня такое счастье!

ПАНЕ КОХАНКУ. Матей у нас мастер по творческой части. Пишет пьески, оперы сочиняет...

АГНЕССА. К нему даже Фонвизин приезжал!

МАТЕЙ. Мы с ним так гульнули... Ох... Вина выпили – целое озеро.

АГНЕССА. Лучше сказать, море.

ПАНЕ КОХАНКУ. Это правда. Приезжал. Даже комедию с него написал. «Недоросль» называется... (Хохочет. МАТЕЮ). Ну, чего стоишь? А?!

МАТЕЙ снова аж подскакивает.

МАТЕЙ. Ваше величество, я же оперу написал в честь вашего приезда!

ОН взмахивает руками. Тут же на сцене появляется нечто, напоминающее портал и старинные оперные декорации. Всё очень провинциально и забавно...

ПОНЯТОВСКИЙ, ПАНЕ КОХАНКУ и АГНЕССА садятся на стулья. За их спинами КАМЕРДИНЕР и ГУСТАВ. ОНИ образуют импровизированный зрительный зал. ПОНЯТОВСКИЙ переглядывается с ГУСТАВОМ, тот только пожимает плечами.

На не менее импровизированную сцену выходит МАТЕЙ, чтобы представить своё творение. ОН очень волнуется.

МАТЕЙ. Дамы и господа! В честь приезда нашего короля... (ПАНЕ КОХАНКУ цинично похохотывается). Станислава Августа Понятовского, я написал небольшую оперу. Каприз. Презент...

ПАНЕ КОХАНКУ. Ну начинай уже!

МАТЕЙ смешно кланяется, делает какие-то знаки артистам и бежит к зрителям.

НАЧИНАЕТСЯ КОМИЧНАЯ ОПЕРА, В КОТОРОЙ УЧАСТВУЮТ КАК ТРОИЦА КРЕСТЬЯН, ТАК И ПРИДВОРНЫЕ МУЗЫКАНТЫ. НО ГЛАВНУЮ ПАРТИЮ ИСПОЛНЯЕТ ТА САМАЯ, УДИВИТЕЛЬНАЯ, ЗАГАДОЧНАЯ ДЕВУШКА, КОТОРУЮ МЫ УЖЕ ВИДЕЛИ...

КОГДА ОНА ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СЦЕНЕ, ЛИЦО ПАНЕ КОХАНКУ МЕНЯЕТСЯ... АГНЕССА СТРОГО НАБЛЮДАЕТ ЗА ЭТИМ...ОНА ЯВНО НЕДОВОЛЬНА ТЕМ, ЧТО ЭТА ДЕВУШКА ПОЯВИЛАСЬ СНОВА.

ОПЕРА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ...

ЗТМ.

Все смотрят на ПОНЯТОВСКОГО.

Понятовский вздыхает и начинает натужно аплодировать. МАТЕЙ радуется.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ну что сказать... (ВСЕ вопросительно смотрят на него). Очень... (ОН делает паузу). Очень... Очень...

ПАНЕ КОХАНКУ. (АГНЕССЕ). Что он хочет сказать?

ПОНЯТОВСКИЙ. Очень мило.

МАТЕЙ ликует.

ПОНЯТОВСКИЙ. Нет, правда. Я слышал много опер: итальянских, французских, немецких...

ПАНЕ КОХАНКУ. Конечно, что еще там делать в Варшаве. Не политикой же заниматься.

ПОНЯТОВСКИЙ. Но ваша опера – это нечто выдающееся. Какая мелодика. Какой флеранж! А ноты. Сколько вы использовали нот?

МАТЕЙ. Пять.

ПОНЯТОВСКИЙ. Вообще их семь.

МАТЕЙ. Да вы что?

ПОНЯТОВСКИЙ. Но у вас такая музыка, что кажется, что их десять. Или даже двенадцать!

МАТЕЙ хлопает в ладоши...

В разговор вмешивается ПАНЕ КОХАНКУ.

ПАНЕ КОХАНКУ. А по моему полное дерьмо.

АГНЕССА. Кароль!

ПАНЕ КОХАНКУ. Ну дерьмо! Ну правда! Слушать гнустно. Такая халтура! Ты мне, Матей, конечно, племянник... Я тебя в детстве березовым прутом по голой жопе хлестал! Но такого редкостного дерьма ты еще не писал...

Пауза. ВСЕ переглядываются...

МАТЕЙ. Спасибо, Дядя...

ПАНЕ КОХАНКУ хватает МАТЕЯ и треплет его по голове.

ПАНЕ КОХАНКУ. Люблю оболтуса, ну что ты будешь делать! Эх, пане коханку, пане коханку... (ПОНЯТОВСКОМУ). Ну что, ваше величество, хотите еще развлечений?

ПОНЯТОВСКИЙ. Пожалуй, достаточно...

ОН смотрит на своего министра финансов ГУСТАВА. ТОТ сразу понимает, чего от него хотят. ОН принимает самый дипломатичный и благостный вид.

ГУСТАВ. Его величество от имени всего двора, скажу больше, от имени всего народа Речи Посполитой, Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, которые вот уже триста лет составляют неразрывное единство... выражает благодарность за гостеприимный прием. Но мы приехали в ваш благородный дом не только за развлечениями...

ПАНЕ КОХАНКУ. Зачем же еще?

ГУСТАВ. Ну как...

Вперед выходит ПОНЯТОВСКИЙ.

ПОНЯТОВСКИЙ. Кароль... Князь Радзивил. Нужно поговорить и о серьезных вещах.

ПАНЕ КОХАНКУ. О серьезных? Ну это завсегда! Водки!

АГНЕССА сокрушенно качает головой и кивает КАМЕРДИНЕРУ... Ничего не понимающие ГУСТАВ и ПОНЯТОВСКИЙ переглядываются.

ТРОЕ СЕЛЯН тут же выскакивают на сцену с гигантским графинам водки и тремя чарками.

ПАНЕ КОХАНКУ. Поговорим. Но сначала старая традиция этого дома! Хозяин лично должен провести гостей по замку. И в каждой комнате выпить маленькую чарочку за благополучие и долголетие дома Радзивилов.

ПОНЯТОВСКИЙ. Сколько комнат?

ПАНЕ КОХАНКУ. Немного. Сто тринадцать. Ну, начнем с большой библиотеки!

ОН жестом указывает в сторону выхода. ПОНЯТОВСКИЙ вздыхает, понимая, что придется подчиниться. ОН идет в сторону библиотеки, за ним уходят ПАНЕ КОХАНКУ, КАМЕРДИНЕР, ТРОЕ СЛУГ и МАТЕЙ...

В зале остаются только АГНЕССА и ГУСТАВ, который как бы случайно отстал от общей процессии.

АГНЕССА. Вам неинтересна экскурсия по дому?

ГУСТАВ. Ну что вы, госпожа, ваш дом – полная чаша, как говорили предки. Да только подагра и застарелые недуги, боюсь, не дадут мне насладиться его великолепием.

АГНЕССА. Как знаете. А впрочем, я сама не была в некоторых залах, может, лет двадцать или тридцать...

ГУСТАВ. Тяжелый крест...

АГНЕССА. Что?

ГУСТАВ. Все это хозяйство.

АГНЕССА. Я вижу, куда вы клоните. Вы при короле, я при князе...

ГУСТАВ. Ну что вы, княгиня, как я могу посметь...

АГНЕССА. Посмели. Ладно. На правду не обижаются.

ГУСТАВ. Вы мудрейшая женщина, пани Агнесса.

АГНЕССА. Коньяк будете? (Не дожидаясь ответа, наливает себе и ГУСТАВУ по рюмке коньяку). Берите.

ГУСТАВ. За вас. (ОНИ выпивают). Как вы думаете, король и князь поладят?

АГНЕССА отвечает не сразу...

АГНЕССА. Вы знаете, как появился род Радзивилов? Наши предки были языческими жрецами. Это жреческий род. Издревле мы служили богам... Когда мы стали христианами, то избрали девизом нашего рода “Нам советует Бог”. Нам советует Бог!

ГУСТАВ. Ну что сказать... Тогда вы счастливые люди.

АГНЕССА. Сама фамилия Радзивиллы произошло от слова “радзіць” – советовать. Мы “радзили” верховным правителям, королям, и пока нас слушали – эта страна была крупнейшей и богатейшей в Европе. Потом нас перестали слушать...

ГУСТАВ. Пришли другие времена, другие люди...

АГНЕССА. Наша страна на грани уничтожения.

ГУСТАВ. Наши соседи стали сильнее.

АГНЕССА. Просто мы потеряли единство. Мы перестали слушать Бога. А короли перестали слушать нас. (ОНА выпивает еще одну рюмку). Он приехал за деньгами?

ГУСТАВ. Не буду от вас скрывать, финансовое положение у нас... критическое.

АГНЕССА. Сколько просит?

ГУСТАВ разводит руками...

АГНЕССА. Ну что вы мнетесь, как девочка.

ГУСТАВ. Триста тысяч. В долг. На пять лет. Под королевскую расписку...

АГНЕССА. Пять лет... Для нас сейчас пять лет – это вечность. Все меняется так быстро...

ГУСТАВ. Речь о престиже монархии...

АГНЕССА. Ой, не надо...

ГУСТАВ. У нас нет другого короля. А любой король – помазан Богом. Вы все еще его поданные.

АГНЕССА вздыхает...

АГНЕССА. Да... Все еще... Хорошо, я поговорю с братом.

ГУСТАВ. Княгиня, вы просто... У меня нет слов. (ОН кланяется ей).

АГНЕССА. Нет слов? Тогда выпьем молча.

ОНИ поднимают рюмки, но выпить не успевают...

5.

Вдруг в зал вваливается безумно пьяная толпа, которую возглавляет ПАНЕ КОХАНКУ. ОН держит под руку порядком “окосевшего” ПОНЯТОВСКОГО. Сзади какие-то цыгане, музыка, веселье... ПАНЕ КОХАНКУ и ПОНЯТОВСКИЙ одеты почему-то в турецкие халаты, у них сабли янычар...

ПОНЯТОВСКИЙ. О, еще один зал! Три тысячи сто двадцать первый! Так выпьем же за математiku, которая нам позволяет сосчитать все залы в дворце Радзивиллов!

ОН пытается опрокинуть очередную рюмку. ПАНЕ КОХАНКУ смотрит на АГНЕССУ и разводит руками.

ПАНЕ КОХАНКУ. Анесса, вот ты где! А мы тебя уже обыскались! Его величество, Станислав... Стасик, оказался отличным королем! Мы же ничего не знали... Сидим тут как медведи в берлоге.

ПОНЯТОВСКИЙ. За вашу берлогу!

ПАНЕ КОХАНКУ. Это же не король! Это душа человек! И с этой минуты мой ближайший друг. Не веришь?

АГНЕССА. Верю.

ПАНЕ КОХАНКУ. Нет, ты не веришь! Стасик, скажи ты ей!

ПОНЯТОВСКИЙ. Мы лучшие друзья!

ПАНЕ КОХАНКУ. Видишь!

АГНЕССА. Я вас поздравляю!

ПАНЕ КОХАНКУ. Агнесса, мы теперь как братья. Даже больше. Знаешь какая у него душа?

АГНЕССА. Я догадываюсь.

ПАНЕ КОХАНКУ. У него благородная душа. Он же бесребреник! Святой! Такому королю ничего не жалко. Ваше величество... Стасик... (ПОНЯТОВСКИЙ оборачивается). Хочешь все мои деньги, все мои земли? Хочешь? Бери! Я тебе их дарю! Хочешь?

Все переглядываются. ПОНЯТОВСКИЙ, кажется немного протрезвел... АГНЕССА и ГУСТАВ смотрят на ПОНЯТОВСКОГО.

ПОНЯТОВСКИЙ (Гордо). У короля есть – поданные и его держава! Больше желать нечего!

Повисает пауза, вдруг ПАНЕ КОХАНКУ начинает аплодировать.

ПАНЕ КОХАНКУ. Я прямо прослезился. Это очень благородно. Вот он, истинный наследник Ягайло и Гедимины! Святой Стасик, дай я тебя обниму!

ОН обнимает ПОНЯТОВСКОГО, кажется, что ОНИ сейчас разрыдаются. АГНЕССА вздыхает.

АГНЕССА. А что это за маскарад?

ПАНЕ КОХАНКУ. Это я рассказывал, как мне пришлось скрываться Турции! Когда подлые Чырторыйские едва не захватили меня! И мне пришлось бежать, переодевшись в женскую одежду...

ГУСТАВ. Что, правда?

ПАНЕ КОХАНКУ. Нет, это я приврал. Ох, какие в Турции пиры! А какие бабы... Глянет на тебя, глазищи огромные, как спелые сливы... Кажется, дух из тебя выходит! У них такие... Такие!... (ОН смотрит на АГНЕССУ). Ну, это я уже ему рассказал.

ПОНЯТОВСКИЙ. В подробностях.

АГНЕССА. Я не сомневаюсь...

ПАНЕ КОХАНКУ. Четыре года сплошного кутежа! А потом Екатерина сменила гнев на милость, пришлось возвращаться.

ПОНЯТОВСКИЙ. (С ностальгическим вздохом). Екатерина...

ПАНЕ КОХАНКУ. Чего вздыхаешь?

ПОНЯТОВСКИЙ. (Машет рукой) Ай...

ПАНЕ КОХАНКУ. Что, до сих пор сердечко екает? Эх, ваше величество, я вижу эта немка оставила в твоём седце глубокую рану.

АГНЕССА. Кароль, быть может, его величеству не совсем удобно...

ПАНЕ КОХАНКУ. Удобно, удобно! Все же знают. Молодой польский дворянин, франт, красавец! Станислав Август Понятовский. Приезжает в Петербург. Столицу Востока! И там, большая, чистая любовь! Красавица немка. Бурная страсть.

ПОНЯТОВСКИЙ. Она была такая... Такая...

ПАНЕ КОХАНКУ. Что ты мне рассказываешь... Огонь, а не баба! Кровь с молоком! Подумать только, взять такую империю и скрутить в бараний рог. И как любая немка всегда знает, чего она хочет.

ПОНЯТОВСКИЙ. Да, знает. Слишком хорошо знает.

Пауза. ПОНЯТОВСКИЙ с печалью смотрит куда-то вдаль...

ПАНЕ КОХАНКУ. Ну не грусти, не грусти, ваше величество. Чего стали, видите государь грустит! А в моем доме никто грустить не будет! Матей, где твои музыканты! Где актеры? Начинаем карнавал!

Грянула музыка. Выбегает челядь в венецианских карнавальных костюмов. ОНИ танцуют, затягивают в какой-то дикий хоровод. ПОНЯТОВСКИЙ танцует, кажется, что ОН совсем потерялся. Все эти дикие пляски уходят на второй план.

ПАНЕ КОХАНКУ и АГНЕССА выходят вперед.

АГНЕССА. Зачем ты так с ним?

ПАНЕ КОХАНКУ. Пусть отдохнет. Он слишком много думает о делах.

АГНЕССА. Он потом поймет. Обидется.

ПАНЕ КОХАНКУ. Если глупый, то обидется. А может, подумает, и спасибо скажет. К нему давно не относились, как к человеку.

АГНЕССА. Для короля такое отношение – оскорбление.

ПАНЕ КОХАНКУ. Долго ли он еще пробудет королем?

ОНИ переглядываются. ПАНЕ КОХАНКУ бросает взгляд на танцующую толпу, среди которой – совершенно потерянный, но в этот момент счастливый король Польши СТАНИСЛАВ АВГУСТ ПОНЯТОВСКИЙ.

ЗТМ.

АКТ 2

6

Наступает утро... Огромный пустой зал. Посреди зала – стол. За столом сидит и спит СТАНИСЛАВ АВГУСТ ПОНЯТОВСКИЙ. Перед ним стоят пустые бутылки. Ясно, что кутили до утра...

За его спиной – длинные жерди, на которые залезли несколько человек в ермолках.

ПОНЯТОВСКИЙ во сне смешно причмокивает и бормочет...

ПОНЯТОВСКИЙ. Нет, я не хочу платить по закладной... Нет... Нет... Мама, они хотят забрать у меня лошадку... А-а-а...

К нему осторожно подходит ПАНЕ КОХАНКУ, у него в руках ружье. Вдруг ОН стреляет. ПОНЯТОВСКИЙ подскакивает.

ПОНЯТОВСКИЙ. А?! Что?! Война!

ПАНЕ КОХАНКУ. Ваше величество, туда!

ПОНЯТОВСКИЙ. Господи!

ПАНЕ КОХАНКУ. Прячьтесь!

ОНИ бегут, прячутся...

ПОНЯТОВСКИЙ. Что происходит? Русские?

ПАНЕ КОХАНКУ. Суворов! Будут брать Варшаву!

ПОНЯТОВСКИЙ. Как? Уже?!

ПАНЕ КОХАНКУ. Не бойтесь, ваше величество. Есть еще в Речи Посполитой благородные люди! Держите пистолет. Будем отстреливаться!

ПОНЯТОВСКИЙ. Я?!

ПАНЕ КОХАНКУ. Мы им живыми не сдадимся! Польские дворяне, литвины – никогда не будут в рабстве у русского медведя. Выгляните, много их там?

ПОНЯТОВСКИЙ. А может...

ПАНЕ КОХАНКУ. Быстрее.

ПОНЯТОВСКИЙ выглядывает и тут же снова прячется.

ПАНЕ КОХАНКУ. Сколько?

ПОНЯТОВСКИЙ. Человек двадцать.

ПАНЕ КОХАНКУ выглядывает тоже...

ПАНЕ КОХАНКУ. Вы не всех посчитали. Не меньше ста.

ПОНЯТОВСКИЙ. О Господи.

ПАНЕ КОХАНКУ. Элитные драгуны. Преображенцы. Такие пленных не берут.

ПОНЯТОВСКИЙ. Да вы что?

ПАНЕ КОХАНКУ. Звери, а не люди!

ПОНЯТОВСКИЙ. Одно странно.

ПАНЕ КОХАНКУ. Что?

ПОНЯТОВСКИЙ. Почему-то русские драгуны одеты в еврейские ермолки.

ПАНЕ КОХАНКУ. Что вы говорите.

ПОНЯТОВСКИЙ. И они каркают...

ПАНЕ КОХАНКУ. Каркают?

ПОНЯТОВСКИЙ. Каркают как вороны.

ПАНЕ КОХАНКУ. Это новая тактика. Но мы не дадим себя обмануть! Вы стреляете первым!

ПОНЯТОВСКИЙ. Я?

ПАНЕ КОХАНКУ. Давай!

ОН подпихивает ПОНЯТОВСКОГО. ТОТ выглядывает и неглядя стреляет. Слышен чей-то протяжный вой и один из ЕВРЕЕВ падает с шеста.

ПАНЕ КОХАНКУ. Отлично! Прекрасный выстрел, ваше величество! Не в бровь, а в глаз! Теперь я!

ОН выглядывает, целится и стреляет. Соль попадает в задницу другому ЕВРЕЮ. ОН тоже кричит и падает...

ПАНЕ КОХАНКУ. Похоже мы побеждаем. Перезаряжайте.

ОН бросает ПОНЯТОВСКОМУ пороховницу. ПОНЯТОВСКИЙ начинает нервно перезаряжать. Но вдруг останавливается.

ПОНЯТОВСКИЙ. Подождите...

ОН выглядывает из-за укрытия и видит трясущихся от страха евреев.

ПОНЯТОВСКИЙ. Подождите... Это же не драгуны.

ПАНЕ КОХАНКУ. Как не драгуны?

ПОНЯТОВСКИЙ. Это какие-то евреи.

ПАНЕ КОХАНКУ. А что, они не могут быть драгунами?

ПОНЯТОВСКИЙ. Почему они залезли на деревья?

ПАНЕ КОХАНКУ. Очень интересный вопрос.

ОН идет к евреям.

ПАНЕ КОХАНКУ. Эй, вы чего туда залезли?

Вместо ответа евреи начинают дружно каркать.

ПАНЕ КОХАНКУ. Чего?

ОНИ снова каркают.

ПАНЕ КОХАНКУ оборачивается и разводит руками.

7.

В этот момент входит КАМЕРДИНЕР, у него в руках небольшой серебрянный поднос с двумя рюмочками.

КАМЕРДИНЕР. Не желаете настоечки после пальбы?

ПОНЯТОВСКИЙ непонимающе смотрит на него.

ПАНЕ КОХАНКУ. Не плохо было бы. Ваше величество, за нашу победу в этом сражении! Это была героическая битва. Ну и после вчерашнего полечиться надо.

ПОНЯТОВСКИЙ поднимает рюмку, набирает в рот...

КАМЕРДИНЕР. Вы знаете, евреи с большим энтузиазмом отнеслись к вашему пожеланию. Уже в шесть утра забрались на деревья и тренировались в подражании воронам. Очень благодарили за точность.

ПОНЯТОВСКИЙ выпускает фонтан настойки...

ПОНЯТОВСКИЙ. Так это вы приказали, чтобы они на деревья?

ПАНЕ КОХАНКУ. Ну, не то, чтобы приказал... Просто как-то пришла мысль, а почему бы евреям не залезть на деревья и не каркать, как вороны? И вот смотрите, как они все-таки это всё предчувствуют? (КАМЕРДИНЕР). Правда?

КАМЕРДИНЕР. Так и есть, чувствуют. Особенно их зады. Ружьишко можно? И пистолетик? От греха подальше...

ОН с достоинством забирает ружье и пистолет и уходит...

ПАНЕ КОХАНКУ. Да, любопытно получилось. Сколько времени? Пора! (ОН достает свой любимый блокнот) Эй, кто сегодня летает?

Откуда-то раздается тяжелый выдох. На верхнюю галерею снова с обреченным видом выходит ВТОРОЙ СЛУГА. У него на спине сложная конструкция, похожая на огромный пропеллер. ОН начинает руками крутить ручку механизма, пропеллер за спиной тоже начинает бодренько крутиться.

ВТОРОЙ СЛУГА. Господарь... Это... Может, не надо?

ПАНЕ КОХАНКУ. Чего не надо?

ВТОРОЙ СЛУГА. Летать. Человеку ведь, господь бог, по земле ходить наказал. Богохульство это.

ПАНЕ КОХАНКУ. А пророк Илия, который вознесся на небо на золотой колеснице?

ВТОРОЙ СЛУГА. Так то пророк...

ПАНЕ КОХАНКУ. А ты откуда знаешь, что ты не пророк? Есть у тебя в глазах что-то такое-этакое. Безумное. Даже король подтвердит.

СЛУГА тут же меняется в лице... Кажется, действительно, ОН осознал свою миссию. С самым одухотворенным лицом и грацией библейского пророка ОН делает шаг вперед. И камнем с диким криком падает вниз. Звук удара. Пауза...

ГОЛОС ВТОРОГО СЛУГИ. А ё-моё! Больно-то как!

ПАНЕ КОХАНКУ (Королю). А какой пророк мог бы получиться. Не судьба. (ОН открывает свой блокнот и записывает). Эксперимент номер триста двадцать шесть. Пропеллер, который раскручивается силою обеих рук. Силы оказалось недостаточно...

ПОНЯТОВСКИЙ с неприязненным скепсисом смотрит на него...

ПАНЕ КОХАНКУ. Ну, чем займемся дальше? Могу тебе показать динамомашину, от коей исходят электрические лучи. Или механического медведя, которого мы научили танцевать гопак? Только чувство ритма у него так себе...

ПОНЯТОВСКИЙ. Нет, спасибо. Мне хватило. Князь... Станислав... Могу я говорить с тобой доверительно?

ПАНЕ КОХАНКУ. Конечно.

ПОНЯТОВСКИЙ. Вот тебе никогда не казалось, что пока ты здесь развлекаешься: крылья, пропеллеры, динамо-машины, стрельба по евреям по утрам... А в это происходят серьезные события.

ПАНЕ КОХАНКУ. Да ты что?

ПОНЯТОВСКИЙ. Сама держава наша на грани исчезновения.

ПАНЕ КОХАНКУ. Речь Посполитая?

ПОНЯТОВСКИЙ. Я понимаю, еще совсем недавно это трудно было бы вообразить. Сколько раз наши войска стояли под Москвой? Сколько побед одержали наши прославленные полководцы. Особенно Радзивиллы... Как обширна была наша территория... Но сегодня ситуация другая. Мы как старики, которые окриком пытаются охранить свой слишком большой дом от молодых разбойников... Почему “как”, мы и есть старики...

ОН садится...

ПАНЕ КОХАНКУ. Зато жаловаться мы не разучились.

ПОНЯТОВСКИЙ усмехается.

ПОНЯТОВСКИЙ. Австрия, Россия и Пруссия разорвут нас. Уже рвут. Волость за волостью, уезд за уездом... Кому уже принадлежат твои земли? Мне? Катерине, которая может прислать сюда войска в любую секунду?

ПАНЕ КОХАНКУ. Эти земли? Я тебе сейчас скажу крамольную вещь. Может, меня даже надо арестовать за такие слова. Жаль только некому. Плевать, кому они формально принадлежат. У них своя судьба. Свое сердце. И бьется оно в своем ритме... По-другому. Эти земли, эти люди тебе не помогут.

ПОНЯТОВСКИЙ (с сарказмом). Поможете русским?

ПАНЕ КОХАНКУ. Нет. И русским не поможем. Никому помогать не будем. Молить на коленях будете, и вы, поляки, и русские – никому помогать не будем.

ПОНЯТОВСКИЙ. Почему?

ПАНЕ КОХАНКУ. Потому что нам наплевать. Нет, мы добрые... Мы отзывчивые... Мы тебя пожалеем, пригреем, напоим, покормим. Приезжай. Но что происходит там, за нашей границей – нам наплевать. На-пле-вать!

ПОНЯТОВСКИЙ. Даже если это угрожает вашей независимости.

ПАНЕ КОХАНКУ. Такие мы люди. Очень добрые, и очень равнодушные. Такие как есть.

ПОНЯТОВСКИЙ тяжело вздыхает...

ПОНЯТОВСКИЙ. А может быть вы и правы. Ваш народец деревенский, земляной. Сидите в своих пущах, замках... Пьески ставите. Людей в воздух запускаете. Не жизнь, а малина.

ПАНЕ КОХАНКУ. На счет земляного – это ты напрасно.

ПОНЯТОВСКИЙ. Это вытекает из твоих слов.

ПАНЕ КОХАНКУ. Значит, ты меня не услышал.

ПОНЯТОВСКИЙ. Послушай, князь. Еще не все потеряно. Еще есть шанс все изменить. Отбиться. Сохранить себя. Страну. Народ. Послушай... Вся проблема в том, что мы разъединены. Мы друг другу не доверяем. Магнаты – королю. Король – армии. Народ – шляхте... Иностранцы этим пользуются. Наш раздор – это их победа. А вот если собрать все в один кулак, и как вдарить! Мы бы любого в порошок!

ПАНЕ КОХАНКУ с грустью смотрит на КОРОЛЯ...

ПАНЕ КОХАНКУ. Что нужно от меня?

ПОНЯТОВСКИЙ. Деньги.

ПАНЕ КОХАНКУ. Деньги...

ПОНЯТОВСКИЙ. Просто часть твоих несметных богатств.

ПАНЕ КОХАНКУ. А что, у короля нет денег?

ПОНЯТОВСКИЙ. Не прикидывайтесь ребенком. Ты знаешь мое положение.

ПАНЕ КОХАНКУ. Что это за положение?

ПОНЯТОВСКИЙ горько усмехается...

ПОНЯТОВСКИЙ. Ты хочешь моего унижения. Хорошо. Вот оно. У меня нет денег. Я должен три миллиона злотых. Я должен жалование гвардии, канцелярии, посланникам. Сейм меня ни во что не ставит. Я знаю, что они говорят обо мне за глаза. “Выскочка”. “Дурачок”. “Побирушка”... А я милостью божьей Король Святой Речи Посполитой!

ПАНЕ КОХАНКУ. Я же тебе вчера предлагал. Все сразу. Ты не взял. Теперь жалеешь, наверное.

ПОНЯТОВСКИЙ. Так королю не предлагают.

ПАНЕ КОХАНКУ. А я бы взял.

ПОНЯТОВСКИЙ. Что?

ПАНЕ КОХАНКУ. Говорю, я бы взял. Засунул бы свою гордость куда подальше, и взял. Значешь, почему? Потому что второй раз уже не предложат.

ПОНЯТОВСКИЙ. Это отказ?

ПАНЕ КОХАНКУ. Королям не отказывают, им просто не предлагают.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ты разрушаешь свою страну. История тебя растопчет!

ПАНЕ КОХАНКУ. Меня будут помнить за то, что я учил белорусов летать. А тебя... Скоро наступит время, когда ты сам будешь молить чтобы тебя забыли...

ПАНЕ КОХАНКУ поворачивается и уходит... ПОНЯТОВСКИЙ остается один, и вдруг ОН не выдерживает и начинает рыдать...

8.

Вдруг раздаются чьи-то голоса... ПОНЯТОВСКИЙ понимает, что его, польского короля, сейчас застанут плачущим. ОН тут же бросается и прячется...

В залу вваливаются ТРОЕ СЛУГ, ПЕРВЫЙ с забинтованной ногой после первого прыжка, ВТОРОЙ – с забинтованной рукой после второго прыжка, ТРЕТИЙ – пока в целости и сохранности. ОНИ все трое рыжие. И чем-то очень напоминают ПАНИ КОХАНКУ. Очевидно, что это его внебрачные дети...

ВТОРОЙ. И вот стою я на краю... А в глазах, вот те крест, сам пророк Илия! И он смотрит на меня, как на равного. Может, даже снизу вверх. Как бы с подобострастием. И говорит... Это... Как его... Лети, мол, Васька! Лети! Ну я и полетел! Только вниз!

ТРЕТИЙ. Дурак ты, Васька, а куда ж еще человек полететь может?

ПЕРВЫЙ. Не скажи, Леха... Ой не скажи. Вот я слышал, что на завтра барин придумал для тебя, как уж точно полететь.

ТРЕТИЙ. Катапульта?

ВТОРОЙ. Уже было!

ТРЕТИЙ. Привяжет к голубям?

ПЕРВЫЙ. Это мне предстоит в понедельник!

ТРЕТИЙ. Заставит тянуть себя за волосы вверх?

ПЕРВЫЙ. Гораздо лучше!

ВТОРОЙ. Ох, повезло тебе дружище!

ПЕРВЫЙ. Пане Коханку приказал кузнецу сделать трубу. Один конец запаять, а с другой стороны набить эту трубу порохом. И тебя на эту трубу посадить...

ТРЕТИЙ. Боже Всемогуций... Как же это, братцы, посадить? Это ж бомба! Меня ж разнесет.

ВТОРОЙ. Если пиво бухать будешь – тогда тебя разнесет! А так – полетишь!

ПЕРВЫЙ. Полетишь!!! Пане Коханку вывел теорию, что если подняться высоко, то воздух закончится. Зато оттудава земля будет видна, аки яблоко на дереве! Полетишь, проверишь...

ТРЕТИЙ. Вот свезло ж жить у такого хозяина! У всех паны как паны, отработывай там барщину, плати оброк. Ну розгами высечет. Ну по морде даст. Ну плюнет в рожу! Так это же одно удовольствие! Живи не хочу. А нашему все нейдет. То давай греческую грамоту учи, то Аристотеля читай. Пытает, деспот. Из белорусов – культурных людей сделать хочет.

ПЕРВЫЙ. А зачем же нам культура? Мы без нее тысячу лет жили, и еще столько же проживем. Желудок наполняй, детей рожай, -- вот и вся культура.

В этот момент в залу входит ОЛЕСЯ, та самая прекрасная девушка, которую мы видели вначале. Видно, что эта ТРОИЦА с интересом смотрит на нее.

ТРЕТИЙ. “Пред женской красотой мы все бессильны стали, она сильней богов, людей, огня и стали”. Ронсар.

ВТОРОЙ. “Ничего нет красивей возделанного поля”. (Все смотрят на него)
Цицерон.

ОЛЕСЯ решительно идет мимо, но ПЕРВЫЙ догоняет ее.

ПЕРВЫЙ. Олесья, Олесь... Подожди...

ОЛЕСЯ. Да ну вас, охламонов.

ОНА пытается пройти дальше, но ОНИ преграждают ей путь. ОЛЕСЯ пытается обойти, но ОНИ хватают ее, крутят в каком-то водовороте...

ОЛЕСЯ. Ребята, пустите! Меня пан Матей ждет! Мне на репетицию надо!

ВТОРОЙ. Какую еще репетицию?

ОЛЕСЯ. Новой оперы для короля!

ПЕРВЫЙ. Какого такого короля?

ОЛЕСЯ. Что значит какого... Он у нас один.

ВСЕ трое тут же начинают пародировать ПОНЯТОВСКОГО.

ТРЕТИЙ. Подайте копеечку правителю... (Повторяет)

ПЕРВЫЙ. Я король, мне денег не хватает...

ВТОРОЙ. Хлебушку бы, водички бы... Хлебушку бы, водички бы...

ОЛЕСЯ. Ну хватит вам издеваться! Ну, ребята... Вы же народ, подданные... Ну не гоже, правда... Какой ни есть, а король. Дугого пока не предвидется... Ну вот так везет на королей... (Все трое делают неприличные звуки и жесты. ОЛЕСЯ не выдерживает и хохочет). Ну что ты будешь с вами сделать...

ПЕРВЫЙ. Олесь... А это правда?

ОЛЕСЯ. Что?

ВТОРОЙ. Ну... Ты знаешь?

ТРЕТИЙ. Что наш пан в тебя...

ОЛЕСЯ. Да говорите уже?

ТРЕТИЙ. Ну втюрился...

ВТОРОЙ. Ходит, мучается...

ОЛЕСЯ резко встает.

ОЛЕСЯ. Так, все, мне надо идти... *(ОНИ хватают его за руки)*

ПЕРВЫЙ. Подожди, подожди... Не обижайся. Ну, подожди!

ВТОРОЙ. Давай сыграем в “салоху” и ты пойдешь.

ТРЕТИЙ. Один разок! Ну пожалуйста. Ну сыграем! *(ОНИ начинают наперебой умять ее).*

ОЛЕСЯ. Ну ладно... Один раз!

ВТОРОЙ тут же достает черную повязку. ОНИ завязывают ОЛЕСЕ глаза. Начинают раскручивать ее и шептать...

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ *(Таинственным шепотом)*. Салоха, Салоха, кто тебя тронул?

ОНИ останавливаются, и затем ТРЕТИЙ осторожно трогает ОЛЕСЮ рукой.

ОЛЕСЯ. Бориска?

ТРОЕ смеются...

ПЕРВЫЙ. Неа!

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ. Салоха, Салоха, кто тебя тронул?

ОНИ начинают ее раскручивать, повторяя эту фразу...

9.

В этот момент сзади появляется сам ПАНЕ КОХАНКУ. ОН подходит к ОЛЕСЕ, жестом показывает СЛУГАМ, чтобы те удалились. СЛУГИ переглядываются и убегают. ПАНЕ КОХАНКУ с любовью смотрит на ОЛЕСЮ...

ОН осторожно подходит к ней, и нежно берет ее за руку.

ОЛЕСЯ. Ванька? Нет?

ПАНЕ КОХАНКУ трогает ее за плечи...

ОЛЕСЯ. Янка?

ПАНЕ КОХАНКУ снова обходит ОЛЕСЮ, которая с закрытыми глазами очень трогательно стоит на сцене...ОН неожиданно целует ее в губы...

ОЛЕСЯ вздрагивает. Срывает повязку с глаз. ОНИ смотрят в глаза друг другу. ОЛЕСЯ бросается наутек...

ПАНЕ КОХАНКУ. Подожди!

ОЛЕСЯ останавливается.

ПАНЕ КОХАНКУ. Не уходи...

ОЛЕСЯ. Не правильно это, ваша светлость...

ПАНЕ КОХАНКУ. Эх... Пане коханку, пане коханку. А что в жизни правильно?

ОЛЕСЯ. Откуда же я могу знать. Я простая селянка.

ПАНЕ КОХАНКУ. Нет, ты не простая. Только вот ты ли это?

ОЛЕСЯ. Не понимаю...

ПАНЕ КОХАНКУ. Бывает, что ангелы обретают человеческое обличье. Почти никто их не замечает... С виду нет в них ничего необычного. Женщины, мужчины, дети... Но если присмотреться, то можно увидеть, как странный свет пробивается сквозь их кожу, а если прислушаться, то в их голосе можно услышать небесные трубы...

ОЛЕСЯ. Я никогда таких не встречала.

ПАНЕ КОХАНКУ. А я встретил...

ОН смотрит на ОЛЕСЮ.

ОЛЕСЯ. Не надо на меня так смотреть, ваша светлость. Я не ангел...

ПАНЕ КОХАНКУ. Еще когда я был ребенком, ты приходила ко мне и пела песни...

ОЛЕСЯ. Этого не может быть. Мне всего девятнадцать...

ПАНЕ КОХАНКУ. Твоему телу – да. Но твоя ангельская душа – бессмертна.

ОЛЕСЯ. Ваша светлость, не обманывайте себя. И меня не обманывете... Вы говорите такие сказки. Все это очень красиво... Только я же знаю свои грехи. Я бываю очень разной. Злой, глупой... Совсем не ангелом...

ПАНЕ КОХАНКУ. Спой...

ОЛЕСЯ. Что?

ПАНЕ КОХАНКУ. Спой мне ту песню, которую ты поешь вечерами.

ОЛЕСЯ. Эта бабушкина песня.

ПАНЕ КОХАНКУ. Пожалуйста.

ОЛЕСЯ смотрит на него и вдруг начинает петь... ОНА поет так пронзительно и чудесно, что кажется, будто она действительно ангел, сошедший с небес...

10.

В этот момент в залу входит АГНЕССА. ОНА видит как поет ОЛЕСЯ и как слушает ее ПАНЕ КОХАНКУ. Ее вдруг начинает трясти, ОНА хватается за вазу и со всей силы разбивает ее о пол.

ОЛЕСЯ вскрикивает и убегает. ПАНЕ КОХАНКУ поворачивается к СЕСТРЕ.

АГНЕССА. Взятся за старое?

ПАНЕ КОХАНКУ. Она существует.

АГНЕССА. О да, она существует, братец. Это Олеся, дочь шорника... Матей ее заметил и взял в свой нелепый балаган. Вот она и горлопанит на каждом углу, как драная кошка. Не пойму, что ты в ней нашел. Фигурку, милое личико... Все-таки решился потрянуть стариной. Небольшая интрижка на склоне лет?

ПАНЕ КОХАНКУ. А ты, оказывается, жестокий человек, Агнесса.

АГНЕССА. В первую очередь я правдивый человек.

ПАНЕ КОХАНКУ. Больше всего лгут люди, которые так говорят. Лгут себе.

АГНЕССА. Уколол. Этого у тебя не отнимешь.

ПАНЕ КОХАНКУ. Ты моя сестра, я тебя люблю.

АГНЕССА. Видимо, меня меньше чем своих “ангелов”...

ПАНЕ КОХАНКУ подходит и нежно обнимает свою СЕСТРУ...

ПАНЕ КОХАНКУ. Ах, Агнесса, Агнесса... Годы не жалеют нас обоих. Помнишь, в детстве мы вместе ходили на мамины спектакли? Мне было лет десять, тебе, наверное, четыре... Но ты уже тогда любила строгие платья. Сколько тебя не пытались одеть в эти детские рюшечки-бантики, ты не в какую...

АГНЕССА. Плохо помню... Хотя нет... Помню толстого актера на сцене... Он кажется, был нашим кучером.

ПАНЕ КОХАНКУ. Да, кучером... Все называли его почему-то Византием.

АГНЕССА. Когда он играл он так жутко тарачил глаза и обливался потом, что мне казалось, что он взорвется от напряжения. Я не могла ни на кого смотреть, только на него. И в голове только одна мысль: взорвется он или нет. А потом он умер. Византий... Хм... Да, на редкость нелепое имя... Потом Византий умер. Кажется, сердечный удар... Вместо него стал играть ключник. А я не могла понять... У меня в голове не укладывалось. Как же так, там же в спектакле жил конкретный человек, Византий... И вдруг на его месте кто-то другой. С тех пор театр потерял для меня всякий интерес.

ОНА о чем-то думает...

ПАНЕ КОХАНКУ. Агнесса, что тебя гложет?

АГНЕССА. Ничего...

ПАНЕ КОХАНКУ. Я же вижу.

АГНЕССА. Странно, а мне казалось, ты ничего не видишь, кроме себя и своих “ангелов”!

ПАНЕ КОХАНКУ. Агнесса!

АГНЕССА. Что Агнесса? Что? Кароль, посмотри в каком мире ты живешь? Оглянись вокруг! Это не тот мир, где от одного твоего желания люди начнут летать! Тем более наши люди. Ты посмотри на них, им задницу поднять, пойти куда-то, – это уже достижение. Куда им летать?

ПАНЕ КОХАНКУ. Ты не поймешь.

АГНЕССА. Ну конечно. Куда уж мне, глупой, недалекой бабе.

ПАНЕ КОХАНКУ. Они полетят.

АГНЕССА. Скорее свиньи полетят, а не эти люди! Это же беларусы, Кароль, беларусы...

ПАНЕ КОХАНКУ. Вот увидишь, они полетят.

АГНЕССА. Нет.

ПАНЕ КОХАНКУ. Я скажу тебе больше, Агнесса. Где-то в глубине души, ты тоже в это веришь. Ты веришь, как тогда -- в детстве, верила, что пучеглазый толстяк Византий может взорваться прямо на сцене...

АГНЕССА. Не знайся с этой девушкой.

ПАНЕ КОХАНКУ. Она не девушка. Она ангел.

АГНЕССА разворачивается и резко уходит...

ПАНЕ КОХАНКУ остается один... (Сцена – ПАНЕ КОХАНКУ один на один с собой, его воспоминания, мечты и надежды).

11.

В замке наступает ночь...

В большой комнате короля ПОНЯТОВСКОГО горят десятки свечей.

Посредине его личной комнаты стоит ванная с водой. В ванной лежит голый ПОНЯТОВСКИЙ. На небольшой печке-«буржуйке» стоит железный кувшин с водой.

ПОНЯТОВСКИЙ. Горячее!

ГУСТАВ берет с печки кувшин, подходит и подлевает в ванную теплую воду.

ПОНЯТОВСКИЙ. Хватит! Ты что, сварить меня решил? Дурень...

ГУСТАВ. Может быть, вам не стоит так расстраиваться...

ПОНЯТОВСКИЙ. *(Перебивает)*. Он мне отказал! Подумать только, он отказал своему королю! *(ОН в бешенстве бьет руками по воде, поднимая брызги. ГУСТАВ морщится, вытирает воду с лица)*.

ГУСТАВ. Я не удивился бы, если бы он отказал самому Господу Богу. Это же Радзивилл. Порождение этих диких земель. Смесь язычества, христианства, глупости и гениальности. И бог знает чего еще...

ПОНЯТОВСКИЙ. Я не понимаю... Что ему это стоит? Я же не прошу у него все.

ГУСТАВ. Хотя он предлагал...

ПОНЯТОВСКИЙ. Слушай, ну ты меня хоть не режь!

ГУСТАВ. Простите, ваше величество.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ты же понимаешь, почему я отказался.

ГУСТАВ. Понимаю.

ПОНЯТОВСКИЙ. И он понимал. Черт! (*ОН снова бьет по воде, окатывая водой несчастного ГУСТАВА*).

ГУСТАВ отходит от КОРОЛЯ, подходит к столу, на котором стоит большой медный таз. Наливает в таз воду, берет нижнее белье короля и со вздохом начинает его стирать.

ПОНЯТОВСКИЙ. Но вернуться в Варшаву мы так просто не можем...

ГУСТАВ. Боюсь, кредиторы уже выстроились в очередь.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ты не помнишь, портному с Червоной улицы мы должны?

ГУСТАВ. Три тысячи злотых...

ПОНЯТОВСКИЙ. Ну что ты будешь делать! Даже заложить нечего.

ГУСТАВ. Все личное мы уже заложили, а имущество короны требует одобрение Сейма.

ПОНЯТОВСКИЙ. Может, попросить у Американских Соединенных Штатов?

ГУСТАВ. Там вас тоже знают.

ПОНЯТОВСКИЙ. Не дадут?

ГУСТАВ отрицательно качает головой и достает из таза постиранные королевские портки. ОН брезгливо смотрит на них, обреченно вздыхает...

ГУСТАВ. Все-таки можно было бы попросить местную горничную... Я все-таки министр финансов, как-то неудобно...

ПОНЯТОВСКИЙ. Нет! Я не хочу, чтобы здесь на каждом углу судачили, что у Короля Речи Посполитой протертые портки! Король терпит и ты терпи!

ГУСТАВ вздыхает и продолжает «стирку».

ГУСТАВ. Да... Вспоминается детство. Я ведь не из благородных... Из купцов. Кстати, семья тут неподалеку жила. В Бобруйске... Тем-сем торговали потихоньку. У папаши деньжата водились, но нам ничего не перепадало. «Все в оборот!» «Все в оборот!» Вот был его девиз! А мы... Нас пятеро было... Трое мальчиков, двое девочек... Мы должны были дом держать... Вроде как учились на хлеб зарабатывать. Мы тогда и полы мыли, и посуду, и готовили, и стирали...

ПОНЯТОВСКИЙ. Слушай, Густав... Мне и так хреново. Избавь меня от своих Бобруйских воспоминаний, а?

ГУСТАВ. Это поучительная история, ваше величество.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ну это просто невыносимо. И ты туда же! У меня что, на лбу написано -- «Научите меня жить»? Почему все в этом проклятом замке пытаются меня чему-то научить? Тыкнуть меня носом в какое-то дерьмо! Указать мне мое место. Почему-то все забыли! (*ПОНЯТОВСКИЙ неожиданно встает во весь рост, закрывая причинное место большим мочалом и начинает пафосную речь*). Я - король! Официальное лицо! Глава государства! Этого государства! Каждое мое слово должно быть молот! (*Кажется, что в порыве пафоса он вот-вот забудет придержать мочало, и станет видно все, но в последний момент ПОНЯТОВСКИЙ перехватывает его другой рукой. ГУСТАВ с облегчением выдыхает*). Я есмь верховная власть!

ГУСТАВ неожиданно чихает, срывая весь пафос... ПОНЯТОВСКИЙ смотрит на него.

ПОНЯТОВСКИЙ. Я тебя сейчас убью.

ГУСТАВ. Простите, ваше величество. Сырость. Продолжайте. Очень интересное сообщение. Вы -- верховная власть...

ПОНЯТОВСКИЙ. Я верховная власть! А верховная власть -- непогрешима! Верховная власть -- сосредоточие мудрости, добра и благородства! Остается

один вопрос, как верховной власти получить небольшой заем у самого большого хама и пьяницы на этой земле?

В этот момент из тени выходит АГНЕССА.

АГНЕССА. Я вам скажу.

От неожиданности ПОНЯТОВСКИЙ подскользывается в ванной, бухается туда, барахтается, вздымая фонтаны брызг. Мы видим его голые, мельтешащие ноги... Наконец, ему удается вынырнуть. Он ошарашенно и испуганно смотрит на АГНЕССУ.

АГНЕССА. Не помешаю?

ПОНЯТОВСКИЙ. Княгиня... Я, конечно, всегда рад вас видеть, но...

АГНЕССА. *(Обрывает его)*. Значит, не помешаю.

АГНЕССА проходит дальше, видит повешенные сушиться портки и чулки короля... Бросает взгляд на ГУСТАВА, у которого до сих пор мыльные руки и закатанные рукава.

АГНЕССА. М-да... Любопытно... *(ОНА оборачивается к ПОНЯТОВСКОМУ)* Я тут проходила, и краем уха услышала ваш вопрос... Станислав, мой брат, конечно, человек неординарный. Возможно, даже слишком... Я люблю его, как сестра... Как Радзивилл. Я восхищаюсь им. Но даже он, иногда ошибается. Гениальные люди слишком эгоистичны. Они редко думают о людях, которые рядом... Которые их поддерживают... Любят... От них приходится терпеть всякое... Но, как я сказала, чем гениальнее человек, тем трагичнее его ошибки. Конфликт с властью, со страной -- это вечная ошибка гениев. И наша задача -- помочь такому человеку, их избежать.

ПОНЯТОВСКИЙ. Вы знаете, как заставить его дать денег?

АГНЕССА. Знаю.

ГУСТАВ. Как?

АГНЕССА. *(Задумчиво)* У него есть одна слабость...

Вдруг резко распахиваются все окна, и страшный порыв ветра задувает все свечи, погружая всех в жуткую темноту...

Утро знаменуется буйством красок и громкой музыкой.

Площадка в вековом парке Радзивиллов. Трое рыжих СЛУГ занимаются «монтажем» импровизированного оперного портала-сцены, для очередного оперного эксперимента МАТЕЯ.

Сам МАТЕЙ в это время репетирует с ОЛЕСЕЙ.

ОЛЕСЯ стоит на небольшом возвышении и старательно поет. МАТЕЙ довольно держит.

Во время песни у СЛУГ постоянно что-то падает или не монтируется, так что трогательная и добрая песенка постоянно прерывается их криком.

СЛУГИ. Твою мать! Свинство! Да чтоб тебя перевернуло!

ОЛЕСЯ заканчивает петь.

МАТЕЙ. Это неправильно! Ты должна петь, раскинув руки и подняв ногу.

ОЛЕСЯ. (Становится на подобие индийских танцовщиц). Так?

МАТЕЙ. Что это за раскоряка? Да нет... (ОН сгоняет ОЛЕСЮ с возвышения и становится сам). Вот... Как птица... Как чайка! Чайка! (ОН пытается выглядеть элегантно, но больше похож на жирного каплуна). «Чайка» -- по моему, неплохое название для пьесы... Ай, лень писать...

ОН слазит и снова садится на свое «режиссерское» место.

ОЛЕСЯ снова начинает петь, но вдруг останавливается.

ОЛЕСЯ. Матей Николаевич...

МАТЕЙ. Что?

ОЛЕСЯ. А что я здесь делаю? Ну как актриса? Какая у меня... э-э-э... (пытается подобрать нужное слово) задача?

МАТЕЙ. Выпорю. Жопа будет как свекла.

ОЛЕСЯ тут же становится в позу «чайки», готовая продолжать пение. СЛУГИ, которые заканчивают монтаж портала «гыкают» у них за спиной.

МАТЕЙ. Театр умрет, когда актрисы начнут задавать такие вопросы. Пой.

ОЛЕСЯ открывает рот, чтобы начать петь, но не успевает... В их открытый театр решительно входят ПОНЯТОВСКИЙ, в своем самом роскошном костюме, ГУСТАВ и АГНЕССА.

Все тут же кланяются им.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ну... Не стоит, не стоит... Мы так, на огонек... Прогуливались с княгиней по парку, слышим голос... Дай, думаю, подойду... Посмотрю.

МАТЕЙ. Конечно, ваше величество. Конечно... Это для нас такая честь! (ОН прямо прыгает от радости).

ПОНЯТОВСКИЙ смотрит на АГНЕССУ, та едва заметно кивает в сторону ОЛЕСИ...

ПОНЯТОВСКИЙ. А вас, барышня, я кажется видел в приветственном спектакле...

ОЛЕСЯ. Так и есть, ваше величество.

ПОНЯТОВСКИЙ. Вы пели.

ОЛЕСЯ. Да.

ПОНЯТОВСКИЙ. Вы любите петь?

МАТЕЙ. Ой, да она глотку дерет день и ночь, как кошка... (АГНЕССА тут же его одергивает. МАТЕЙ замолкает.)

ПОНЯТОВСКИЙ. Так вы любите петь?

ОЛЕСЯ. Очень.

ПОНЯТОВСКИЙ. У вас ангельский голосок. И такое же ангельское личико. Как вас зовут?

МАТЕЙ. Олеся! (АГНЕССА метает в него убийственный взгляд).

АГНЕССА. Матей, я тут хотела обсудить один вопрос. Пойдем отойдем в сторонку.

Не дожидаясь ответа, она подхватывает его под локоть и увалакивает в сторону. Одновременно, ОНА подает знак ГУСТАВУ.

ГУСТАВ. (Трем слугам). Эй, молодцы. Идите-ка за мной, мне надо кое-что перетащить...

ВСЕ уходят. ПОНЯТОВСКИЙ остается один на один с ОЛЕСЕЙ. Видно, что когда-то он был одним из искуснейших соблазнительей Европы. ОЛЕСЕ как-то не по себе под его взглядом.

ПОНЯТОВСКИЙ. Я хочу, чтобы мне отвечали те, кому я задаю вопрос. Итак, как вас зовут, дитя мое?

ОЛЕСЯ. Олеся.

ПОНЯТОВСКИЙ. Олеся. А меня Станислав. Как вашего господаря. Ну вот и познакомились. Теперь можно перейти на «ты».

ОЛЕСЯ. Как можно, ваше величество...

ПОНЯТОВСКИЙ. Можно... У тебя редкий дар, девочка. Это правда. Такой голос, такой талант природа дает очень немногим. Я видел сотни опер – в Варшаве, Вене, Париже, Милане... Я слышал величайших певиц современности: баронессу Пави, Леонарду ди Белль, Котоньеру... Всех... Со многими даже был лично... дружен.

ОЛЕСЯ. Я только слышала эти волшебные имена...

ПОНЯТОВСКИЙ. Я уверен, ты сможешь затмить их. Не сразу. Придется много работать и учиться. Но сначала нужно будет отсюда уехать.

ОЛЕСЯ. Покинуть Несвиж...

ПОНЯТОВСКИЙ. Пойми меня правильно. Я ничего не имею против вашего провинциального мирка. Он очарователен. Но – это болото. Милое, спокойное болотце. Конечно, можно проквакать здесь всю жизнь... Но я могу предложить кое-что получше (ОН делает эффектную паузу) – Королевский театр в Варшаве!

ОЛЕСЯ смотрит на него как на Бога...

ОЛЕСЯ. Ваше величество...

ПОНЯТОВСКИЙ. Ангажемент на три года. Конечно, сначала не на первых ролях... Придется побыть в массовке, в хоре... Ну, а когда ты научишься, кто знает... Огни Ла Скала, Комеди Франсе, Ковент-Гардена... Тысячи букетов, поклонники, готовые на все, деньги, высший свет... В общем – успех.

ОЛЕСЯ бросается к нему и начинает целовать ему руки.

ОЛЕСЯ. Ваше величество! Вы так добры! Вы так великодушны! Вы... Вы не представляете, что для меня сделали... Мне кажется, я не чувствую земли. Я лечу! Вы видите, ваше величество, я лечу...

ПОНЯТОВСКИЙ. Я очень рад, девочка моя. Ты достойна другой доли. Но... Это останется нашим маленьким секретом пока...

ОЛЕСЯ. Пане Коханку расстроится...

ПОНЯТОВСКИЙ. Почему...

ОЛЕСЯ. Ему так нравится, как я пою. Мне кажется, он очень расстроится.

ПОНЯТОВСКИЙ. Ну вот и будет у него повод выбраться из своей берлоги и приехать в Варшаву. Думай о себе. Только о себе. Тогда ты сможешь стать великой. (ОН оборачивается и кричит). Княгиня, Матей!

МАТЕЙ тут же выбегает...

МАТЕЙ. Да, ваше величество.

ПОНЯТОВСКИЙ. Матей, отличную растите творческую молодежь!

МАТЕЙ. Да? А по-моему корова коровой...

ПОНЯТОВСКИЙ. Агнесса, Матей... Я тут задумал одну... ну как сказать... шалость. Я был так приятно удивлен той оперой, которую вы для меня приготовили, что тоже хотел бы вашему Пане Коханку – мне все больше и больше нравится это прозвище... Короче, сделать театральный сюрприз. Сейчас в Европе очень популярно одно модное направление – «Комедия дель Арте»... Настоящий авангард. Так вот мне тут вспомнилась одна пьеска.

МАТЕЙ. Авангард? Это так интересно!

ПОНЯТОВСКИЙ. Но у меня условие. Главную роль будет играть Олеся! Будущая звезда европейской сцены!

Счастливая ОЛЕСЯ прыгает от счастья, МАТЕЙ тоже очень рад.

ПОНЯТОВСКИЙ и АГНЕССА многозначительно переглядываются...

